
ФЕНОМЕН СРЕДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Н.Е. Берлизов

Кафедра истории и музееведения
Краснодарский государственный университет культуры и искусств
ул. Имени 40-летия Победы, 33, Краснодар, Россия, 350072

Исследована проблема формирования среднесарматской археологической культуры Юга России. Использование многомерного анализа погребальных памятников и сравнительно-типологического анализа основных хронологических индикаторов позволяет говорить о генезисе этой культуры на основе более ранних древностей прохоровского и саргатского типа. Одновременно доказывается несостоятельность популярной гипотезы о решающей роли миграции номадов Центральной Азии в сложении среднесарматской культуры.

Ключевые слова: среднесарматская культура, генезис, аланы, миграция, Центральная Азия.

Формирование среднесарматской (сусловской) культуры в работах последних 15–20 лет принято связывать с миграцией из Средней и Центральной Азии новой волны номадов, в которых многие исследователи видят алан античных источников (1). С «восточным импульсом» связываются, в частности, распространение т.н. «диагональных» и основных подкуранных погребений, элитных женских захоронений. Восточными считаются сложные луки «гуннского типа» и наконечники стрел к ним, кинжалы с архаичными волютообразными навершиями, бронзовые котлы с носиком-сливом и зооморфными ручками, золотые украшения с бирюзовыми вставками, зеркала типа Хазанов-VIII. Эти новации, по мнению сторонников аланской основы суловской культуры, появляются в сарматских памятниках с I в.н.э. одновременно с первыми сообщениями об аланах в письменных источниках (2). Нами высказывалось предположение об участии в формировании среднесарматского культурного комплекса выходцев из лесостепного Зауралья и Западной Сибири при подавляющей роли в его сложении местного раннесарматского (прохоровского) субстрата (3).

Рассмотрим, можно ли говорить о крупномасштабной миграции кочевников Центральной Азии на запад на рубеже эр на основе имеющегося материала.

Многомерный анализ погребальных памятников привел к отрицательному результату. Он проводился двумя способами.

Сначала был уточнен перечень характеристик обряда, по которым первые среднесарматские погребения отличаются от позднейших прохоровских. По этим признакам наиболее ранние суловские комплексы сравнивались с памятниками всех предполагаемых предков.

Фактор-анализ показал, что позднепрохоровские погребения отличаются от ранних суловских такие детали обряда, как надмогильная конструкция, характер погребения (грунтовое, впускное или основное подкурганное и т.п.), наличие гробов и подстилок, вид захоронения (кенотаф, кремация или ингумация), количество костяков в могиле, их позы, наличие и размещение в погребении амфор, стрелкового оружия, амулетов.

Кластер-анализ показал, что суловские погребения Южного Урала по этим характеристикам близки предшествующим по времени прохоровским и саргатским. К формируемым ими кластерам примкнуло соответственно 16 и 13 суловских погребений из 33. Два среднесарматских погребения коррелировали с юэчжийскими, и по одному вошло в смешанные кластеры. Близка ситуация с ранними суловскими погребениями Заволжья. Только 3 из 59 среднесарматских погребений I в. до н.э. вошли в кластеры с погребениями из Средней Азии.

В саргатской культуре нашли параллели 9 суловских погребений. Остальные 47 коррелировали с раннесарматскими погребениями из своего региона. Анализ серии из Задонья показал, что из 81 среднесарматского комплекса 4 близки юэчжийским памятникам, 6 – саргатским, еще 4 вошли в кластер, содержащий прохоровские и саргатские погребения, ну а 67 коррелируют только с раннесарматскими погребениями. В Предкавказье из 33 среднесарматских комплексов I в. до н.э. 31 нашел аналогии в раннесарматских древностях региона, а 2 – в саргатской культуре.

Наконец, в междуречье Дона и Днепра из 28 ранних суловских погребений 24 были близки поздним прохоровским, 2 – юэчжийским и 1 вошло в смешанный кластер. Таким образом, *особенности обряда, отличающие первые среднесарматские погребения от позднейших раннесарматских, вряд ли можно связывать с появлением в южнорусских степях выходцев из Средней Азии. Именно по этим характеристикам захоронения первых суловцев оказываются близки погребениям прохоровской и саргатской культур.*

Далее различные версии генезиса среднесарматской культуры были проверены вторым способом. Был определен круг различий в обряде вероятных предков суловцев: носителей прохоровской и саргатской культур II–I вв. до н.э. и кочевников Средней Азии усуне-юэчжийской эпохи.

Фактор-анализ позволяет говорить о том, что при сравнении погребений этих культур признак «культурная принадлежность» теснее всего связан с надмогильной конструкцией, характером погребения, перекрытием/закладом погребальной камеры. Сравнение по этим признакам среднесарматских погребений I в. до н.э. с более ранними: прохоровскими, саргатскими и среднеазиатскими – показало результаты, близкие полученным выше. Из 39 ран-

них сусловских погребений Урала 36 вошли в кластеры, формируемые прохоровскими и саргатскими комплексами, по одному – коррелировали с сако-усуньским и юэчжийским захоронениями. В Заволжье, Задонье, Предкавказье все среднесарматские погребения нашли аналогии только в прохоровской и саргатской среде. Все ранние сусловские комплексы Украины и Молдавии коррелировали только с погребениями прохоровской культуры. Таким образом, *версия о значительной роли кочевников Средней Азии в формировании среднесарматского горизонта не находит подтверждения при анализе погребальных памятников.*

Была проверена возможность участия выходцев с Востока в оформлении развитой сусловской культуры. Для этого прохоровские, саргатские и среднеазиатские комплексы сравнивались по перечисленным выше признакам уже с сусловскими комплексами I в.н.э. В Приуралье 26 из 27 таких комплексов нашли аналогии в прохоровской и саргатской культурах и 1 (!) в памятниках сако-усуней.

Аналогична ситуация для среднесарматских памятников Дунайско-Днепровского, Днепро-Донского междуречий и Предкавказья: по одному комплексу из каждого региона из 29, 37 и 41 соответственно вошли в кластеры, формируемые погребениями из Средней Азии. Остальные коррелировали с прохоровскими и саргатскими. Все 122 среднесарматских погребения I в.н.э. из Заволжья оказались близки только прохоровским и саргатским. То же можно сказать о 116 сусловских погребениях Задонья I в.н.э.

Таким образом, и в обряде среднесарматских погребений I в.н.э. отсутствуют черты, которые отличают погребения кочевников Средней Азии от раннесарматских. *Версия об участии среднеазиатских номадов в формировании суловского горизонта данными анализа погребальных памятников не подтверждается. Можно говорить о возможности перемещения на запад населения лесостепей Зауралья.*

Новации в обряде, отличающие среднесарматские комплексы от раннесарматских, появляются не сразу и не в комплексе. Так, отдельные диагональные погребения в Приуралье и Поволжье (Герасимовка III к. 9 п. 1; Шульц к. D4 п. 8) содержат выразительные индикаторы еще прохоровской культуры (сосудик типа Скрипкин-А113, раннесарматский гребень). Такие погребения никак нельзя считать “эксклюзивом” Центральной Азии, где их нет после V–IV вв. до н.э. Зато во второй пол. V–III вв. до н.э. они известны на Верхней Оби в каменной культуре (4). В женской субкультуре кочевников Южного Урала они фиксируются непрерывно с V в. до н.э. по I в. н.э.

Традиция впускать погребения в более ранние курганы сохранялась до кон. I в. н.э. на Украине, в Задонье и Закубанье. Вместе с тем основные подкурганые погребения в эпоху, предшествующую среднесарматской, известны не только в Азии, но и у скифов Тираспольщины и Крыма (5).

Отмеченный в «княжеских» погребениях I в.н.э. обычай помещения даров в тайниках и на древнем горизонте под насыпью кургана известен в ран-

непрохоровский период на Урале (Новый Кумак к.1/1971 г., Филипповка к. 1). Близок этому обычай носителей гороховской культуры, помещавших в насыпи и на древнем горизонте останки жертвенных животных (6).

Анализ хронологии сарматской культуры позволяет говорить о смене прохоровского горизонта суловским в течение второй трети I в. до н.э., когда появляется большинство новаций в обряде и материальной культуре сарматов (7). При этом еще А.М. Хазанов вычленил сарматские комплексы III–II вв. до н.э., содержавшие мечи с прямым перекрестием и кольцевидным навершием (8). Можно говорить об их тагарских прототипах, где они употреблялись с предскифской эпохи вплоть до тессинского этапа (II в. до н.э. – I в.н.э.) (9). В любом случае у сарматов такие мечи известны раньше, чем в Средней Азии, где они появились не ранее I в. до н.э. вместе с инвентарем среднесарматского облика. К сарматам мода на мечи с кольцевидным навершием могла прийти через саргатскую культуру, где они встречаются со II в. до н.э. (Там же. С. 303). Кинжалы с волютообразными навершиями находят прототипы в прохоровских к. 6 п. 3 из Покровки 1 и к. 1 п. 1 из Покровки 7, относящимися ко II – первой пол. I вв. до н.э. (10).

Сложные луки с костяными накладками «гуннского» типа появились в сарматских памятниках по крайней мере синхронно их появлению в Средней Азии. В Зауралье в к. 3 п. 2 группы Солнце III и п. 32 из Жабай Покровки накладки на такие луки обнаружены вместе с прохоровскими материалами (11). В Башкирии в к. 5 п. 4 из Иштуганово I накладка на лук датируется монетами Митридата Евпатора и Фарнака II не позднее 40-х гг. до н.э. (12). В могильниках Бактрии и Согда ранние находки костяных накладок на лук отсутствуют. В Южной Туркмении и Бухарском оазисе они происходят из могильников с набором инвентаря среднесарматского облика. В Орлатском могильнике под Самаркандом, датированном Г.А. Пугаченковой в пределах II–I вв. до н.э., такие накладки происходят из к. 2 (13).

Однако в соседнем к. 1 найдена пряжка с лировидной рамкой, близкая экземплярам типа Раддац-С первой пол. I в.н.э. (14). Это позволяет считать датировку могильника заниженной. Последнее тем более вероятно, что из орлатского к. 4 происходит круглая пряжка с подвижным язычком (15), вполне уместная во второй пол. I в. до н.э. – I в.н.э., но не вписывающаяся в круг индикаторов предшествующего периода. Вместе с тем накладки для сложного лука встречаются в памятниках саргатской культуры уже с кон. III в. до н.э. (16). Можно предположить, что заимствование этого вида оружия сарматами шло не с юга, куда они сами могли его занести, а с северо-востока из Зауралья. Здесь же мы находим наборы панцирных пластин в комплексах IV–I вв. до н.э., предваряющих распространение броненосной конницы у сарматов (17). При этом если панцири IV–III вв. до н.э. набирались из костяных бляшек, то уже со II в. до н.э. появились стальные (18). В Средней Азии детали панциря встречены только в Чирик-рабадской культуре IV–III вв. до н.э. Панцири, изображенные на барельефах и мелкой пластике первых веков н.э.,

могут быть кожаными или стегаными. Вновь металлические панцири здесь известны уже с III в. н.э. в Акчий-Карасу.

Литые зеркала с валиком по краю и коническим выступом в центре диска Б.А. Литвинский предложил назвать “бактрийскими” (19), что позволило считать их в сарматском мире предметами импорта. Проведенный нами анализ выборки таких зеркал показывает, во-первых, количественное преобладание таких зеркал в сарматских и близких им саргатских памятниках, во-вторых, эволюцию таких зеркал именно в сарматском мире, как минимум, с IV в. до н.э. и появление их в Средней Азии не ранее рубежа эр (20). Это не позволяет считать их бактрийскими. Зеркала данного типа появились у сарматов Урала и их зауральских соседей и около 400-500 лет бытовали в сарматском мире.

Открытие в 1978 г. шести погребений в Тилля-Тепе у г. Шибиргана в Афганистане, буквально заваленных украшениями в «бирюзово-золотом» стиле (21), породили уверенность в центральноазиатском происхождении подобных изделий. Никого не смутил тот факт, что помимо Тилля-Тепе с территории Центральной Азии происходят лишь 5–6 пунктов с находками такого рода. Вместе с тем в Сарматии таких памятников гораздо больше (Хохлач, Садовый, Дачи, Кобяково, Ногайчик, Пороги, Запорожский курган, «Золотое кладбище», Верхнее Погромное, Лебедевка и др.).

При этом находка из Зубовского хутора середины – второй пол. I в. до н.э. оказывается синхронной либо даже более ранней, чем комплексы из Шибиргана. Бляха из Верхнего Погромного еще древнее: она встречена с эллинистическими серебряными сосудами второй пол. II – первой пол. I вв. до н.э. (22).

В решении вопроса о происхождении полихромного звериного стиля большое значение имела проблема локализации Сибирской коллекции Петра I, включающей серию изделий стилистически более ранних, чем находки из сарматских курганов и Центральной Азии. Коллекцию пытались локализовать на Алтае или по соседству с ним, ссылаясь на ее стилистическое сходство с деревянными муляжами из Пазырыка. Однако раскопки на Алтае до сих пор не дают находок из золота с бирюзой.

Анализ истории коллекции привел М.П. Завитухину к выводу о ее происхождении из курганов саргатской культуры (23). Это подтверждается материалами II в. до н.э. в к. 1 п. 2 в Сидоровке и к. 3 п. 6 в Исаковке III, содержащих поясные бляхи и украшения ножен меча из золота с бирюзовыми вставками (24). Логично предположить, что именно из Западной Сибири мода на золотые украшения с бирюзовыми вставками попала и в Сарматии, и в Бактрию, где находила уже свое особое оформление, нюансы которого проанализированы В.И. Мордвинцевой (25).

Нельзя выводить из Средней Азии сарматские бронзовые котлы с носиком и зооморфными ручками типов IX и X по С.В. Демиденко (26). После IV в. до н.э. находки котлов из этого региона практически отсутствуют, за ис-

ключением экземпляра гуннского типа из Шаушукума и котла без носика с боковыми ручками из к. 2 в Сирлибайтепе (27).

Вместе с тем в лесостепном Зауралье традиция изготовления и помещения в погребения бронзовых котлов не прерывалась и в сарматское время (28). Здесь же в к. 3 из Исаковки III найден китайский ритуальный сосуд на поддоне с носиком и крышкой (29). Такие сосуды, по мнению А.С. Скрипкина, послужили прототипами для котлов типов Демиденко-IX-XII (30), что вновь выводит нас на саргатскую культуру как проводник восточных новаций в сарматские степи.

С.А. Яценко и Б.А. Раев сочли новациями переднеазиатского происхождения, имеющими отношение к аланам, также манипуляции с кистями рук умерших женщин, помещение зеркал в мужские погребения, парчовую вышивку одежды, украшение одежды крупным колокольчиком, золотые многотрубчатые гривны и многовитковые браслеты с зооморфными концами, фалары с крупной агатовой вставкой, бронзовые кольца с антропо-зооморфными изображениями, использование каменных топоров эпохи бронзы как наверший скипетров, изображение баранов на крышках туалетных сосудов, использование котлов с носиком-сливом и зооморфными ручками.

С миграцией племен «алтайско-юэчжийского» круга они связали появление в Восточной Европе древнейших прямоугольных покровов и подстилок с золотым декором, золотых наглазников, зооморфных брошей, сосудов с зооморфными ручками, установку в могилы вертикальных плит (31). Выше уже отмечалось, что большая часть этих новаций фактически наследует раннесарматскую либо саргатскую традицию (зеркала в мужских погребениях, керамика с зооморфными ручками, котлы типов Демиденко IX–XII, «бирюзово-золотые» украшения, спиральные браслеты и гривны, вертикально стоящие каменные плиты), находит прототипы на Боспоре и в Ахеменидском Иране (золотые зооморфные фибулы, златотканые одежды) либо даже в памятниках майкопской культуры (расшитые золотыми бляшками покровы) (32).

Антропологи единодушно свидетельствуют об отсутствии принципиальных отличий между ранне- и среднесарматскими краниологическими сериями (33), а крупнейший советский антрополог Г.Ф. Дебец отмечал близость раннесарматских и саргатских антропологических материалов (34).

В целом можно говорить о наличии генетической преемственности между ранне- и среднесарматской культурами. Ряд элементов обрядности и материальной культуры, распространившихся в суловский период, появились еще в раннесарматское время. Часть новаций и особенно проявление имущественной дифференциации в обряде, появление «княжеских», «дружинных» и «жреческих» погребений связаны скорее с развитием сарматского общества под влиянием тесного контакта с античным миром.

Послужив в легионах Митридата VI и Фарнака II, тесно пообщавшись с армянами, парфянами, греками и римлянами, сарматы не могли сохранить свое общество в неизменности. Вероятно, в этот период окончательно обо-

сбилась военная аристократия – вожди и дружинники, особенно у аорсов и сираков – союзников Митридата и Фарнака. Результатом становится скопление в кон. I в. до н.э. – I в. н.э. аристократических погребений на Нижнем Дону и Кубани.

Значимым фактором в оформлении своеобразного облика среднесарматского горизонта можно считать миграцию в сарматские степи населения из Зауралья и Западной Сибири из ареала распространения саргатской культуры. Это переселение, вероятно, связано с разрастанием на востоке таежных массивов, непригодных для ведения кочевого и полукочевого хозяйства и занятых племенами кулайской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Раев Б.А., Яценко С.А.* О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе (Тезисы) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). – Новочеркасск, 1993; *Сергацков И.В.* Сарматские курганы на Иловле. – Волгоград, 2000; *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов, 1990; *Raev B.A.* The Roman import in the Lower Don Basin // *British Archeological Records. Int. ser. 278.* 1986.
- (2) *Скрипкин А.С.* О китайских традициях в сарматской культуре // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г.). – Краснодар, 2000. – С. 214–216.
- (3) *Берлизов Н.Е.* Хронология и хронография Азиатской Сарматии // Историко-археологический альманах. Вып. 4. – Армавир-М., 1998; *Берлизов Н.Е.* «Зубовско-Воздвиженская» группа и ее место в системе кубанских древностей сарматского времени // Древности Кубани. – 1999. – Вып. 15.
- (4) *Могильников В.А.* Население верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М., 1997. – С. 23–25. Рис. 19–24.
- (5) *Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А.* Акташский могильник скифского времени в Крыму. – Киев, 1988; *Мелюкова А.И.* Скифские курганы Тираспольщины // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1962. – Вып. 115.
- (6) *Могильников В.А.* Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М., 1992. – С. 287.
- (7) *Берлизов Н.Е.* Хронология и хронография Азиатской Сарматии...
- (8) *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971. – С. 9.
- (9) Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. – М., 1992. – С. 214, 231, Таб. 84, 17; 94, 1.
- (10) Курганы левобережного Илека. – Вып. 3. – М., 1995. – Рис. 20,1; Курганы левобережного Илека. – Вып. 4. – М., 1996. – Рис. 26, 5.
- (11) *Баталов С.Г., Усманова Э.Р.* Памятники II в. до н.э. – I в.н.э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1998. – Рис. 1, II; *Виноградов Н.Б., Таиров А.Д.* Сарматские погребения могильника Солнце III // Новое в археологии Южного Урала. Сб. науч. трудов. – Челябинск, 1996. – С. 172. Рис. 3.
- (12) *Кропоткин В.В., Обьеденнов М.Ф.* Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // Советская археология. – 1985. – № 2.

- (13) Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекостанской искусствоведеческой экспедиции. – Ташкент, 1989. – С. 127–129, 155.
- (14) Там же. – Рис. 54; Щукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. – СПб.: Фарн, 1994. – Рис. 22, 11.
- (15) Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля... – С. 130–132.
- (16) Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М., 1992. – С. 303. Таб. 122.
- (17) Там же. – С. 303, Таб. 122.
- (18) Матющенко В.И. Раскопки в Омской области // Археологические открытия за 1986 г. – М., 1988.
- (19) Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. – 1978. – Вып. IV. – С. 85.
- (20) Берлизов Н.Е. Еще раз о происхождении зеркал Хазанов-VIII // Историко-археологический альманах. Вып. 9 – Армавир-М., 2009.
- (21) Vactrian Gold from the excavations of the Tillya-Tepe in Northern Afghanistan. Aurora Art Publishers. – Leningrad, 1985.
- (22) Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. – Симферополь, 2003. – С. 63–64.
- (23) Завитухина М.П. Н.-К. Витсен и его собрание сибирских древностей // Археологический сборник государственного Эрмитажа. – 1999. – Вып. 34. – С. 112.
- (24) Матющенко В.И. Раскопки в Омской области... – С. 246; Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль... – С. 56–57.
- (25) Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль...
- (26) Демиденко С.В. Типология литых котлов сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа // Древности Евразии. – М., 1997. – С. 130.
- (27) Иваницкий И.Д., Иневаикина О.Н. Раскопки кургана Сирлибайтепе // История материальной культуры Узбекистана. – 1988. – Вып. 22. – С. 44–59; Степная полоса Азиатской части СССР... Таб. 39, 57.
- (28) Могильников В.А. Гороховская культура... – С. 288, Таб. 20; Могильников В.А. Саргатская культура... – С. 302.
- (29) Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль... – С. 56.
- (30) Скрипкин А.С. О китайских традициях в сарматской культуре... – С. 97.
- (31) Раев Б.А., Яценко С. А. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе... – Таб. 1.
- (32) Берлизов Н.Е. «Зубовско-Воздвиженская» группа и ее место ... – С. 17–19.
- (33) Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. – М., 2000; Батиева Е.Ф. Черепа из курганов междуречья Сала и Маньча (сарматское время) // Сарматы междуречья Сала и Маньча. Вып. I. – Ростов-на-Дону, 1992; Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (По антропологическим материалам Калиновского могильника) // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – Вып. 60; Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. – Л., 1970.
- (34) Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды института этнографии, – н.с. – Т. IV. – М.-Л., 1948. – С. 148–151.

THE MID-SARMATIAN CULTURE PHENOMENON AND PROBLEM OF MIGRATION FROM CENTRAL ASIA

N.E. Berlizov

Department of History and muzeology
Krasnodar state university of the culture and art
40 Let Pobedy str., 33, Krasnodar, Russia, 350029

The article deals with the origin of Mid-sarmatian culture in South Russia. Using of multivariate analysis of burials and relatively-typological analysis of main artifacts allows connecting genesis of this culture with the earlier Prokhorovka and Sargatian type antiquities. Author demonstrates invalidity of popular hypothesis about significant role of migration from Central Asia in origin of Mid-sarmatian culture.

Key words: Mid-sarmatian culture, genesis, alans, migration, Central Asia.